

— Верно. — редко когда не возражавший князь сейчас спешно добавил: — Однако самый близкий человек для Цай Цяна — его мать!.. Не ты ли говорил, что Цай Цин всё ещё во дворце Силэй?

Жун Тянь ненадолго задумался, тихо отсчитывая минуты. Он понимал, что этот вопрос нельзя откладывать надолго и нужно как можно скорее на него ответить. Единственное, чему радовался Жун Тянь, было то, что ему наконец удалось убедить Фэн Мина и теперь можно было выходить. Так и не ответив на вопрос любимого, молодой мужчина быстро сменил тему:

— Действительно ли у Цай Цяна потенциал к искусству меча?

— Да.

— А учитель Сяо... действительно ли он является лучшим в мире мастером меча?

— Ну-у, наверное, да, — ответил Фэн Мин, почёсывая затылок.

— Тогда что плохого в том, чтобы отдать его бабушке и дедушке, который позаботится о его потенциале, развив и сделав из него настоящего мастера меча?

— Да нет в этом ничего плохого... Только как можно обменять живого ребёнка на корабли?

— А кто мне говорил: хочешь разбогатеть, сначала «открой» путь?

— Ну я... но...

— Морской путь — это один из видов торговых путей, который, в свою очередь, поможет нам получить представление об экономическом положении врагов. Тем самым мы не только сможем узнать об их финансовом положении, но и сможем контролировать большую часть их экономики. Чтобы объединить всю Поднебесную, то, помимо военных сил, нам понадобятся ещё денежные средства, иначе как снабжать провиантом? Откуда брать средства для содержания войск? Эту истину ты должен понимать.

— Конечно же я понимаю...

— Тогда на каком основании мы должны отказываться от того, что нам крайне необходимо, в тоже время позволяя Цай Цяну получить более выгодные перспективы и вырасти в другой обстановке?

Ответом стала тишина.

— Фэн Мин?

— Кажется, нет никаких оснований.

Хоть Фэн Мин нерешительно кивнул, однако на лице застыло глупое выражение, а сам князь ещё не успел сказать что-либо, как Жун Тянь, невольно приблизившись к лицу любимого, нежно прижался к губам, одаривая лёгким поцелуем, после чего со смехом сказал:

— Что ж, нам пора, — и, потянув Фэн Мина за собой, вышел из комнаты.

Казалось бы, этих двоих не было каких-то пару минут, а все, кто сейчас находился в зале, уже извелись, с тревогой ожидая государя. Как только мужчины вышли из комнаты, все тут же подняли взгляды и с беспокойством посмотрели на Жун Тяня. Ле-эр, выйдя вперёд обратился к императору:

— Государь, Сяо Цзун прислал Хань Вэй, чтобы тот взглянул на план Вашего Величества.

Хань Вэй также являлся одним из учеников Сяо Цзуна, и их с Жун Тянем можно было считать братьями по оружию. Сам же мужчина выглядел благородно: прямой нос, высокие скулы. Только вот его голос был настолько пронзительным и резким, что казалось, будто перед тобой стоит женщина, а не мужчина. Увидев, что Жун Тянь наконец-то вышел из комнаты, Хань Вэй быстро поспешил к нему со словами:

— Учитель прислал меня сюда, чтобы выяснить все детали Вашего плана и посмотреть, стоит ли Вам помогать или нет. — И, подойдя чуть ближе, мужчина приглушённо продолжил: — И как только мы урегулируем это, то тогда отправимся в путь, взяв госпожу Яое с собой.

Жун Тяня не удивило то, что он услышал, наоборот, именно этого он и ожидал.

Все люди Сяо Цзуна являлись мастерами меча, и император Силэй планировал использовать их, чтобы разбить в пух и прах засаду Жо Яня, и в душе уже заранее придумал план, представляя, где именно разместить людей.

Фэн Мина, который стоял возле Жун Тяня, уже успели облепить Цю Юэ и Цю Син. У обеих глаза были красные и слегка опухшие от слёз. Девушки просто разрывались от горя и от вопиющей несправедливости — это было видно по их личикам.

Только что во внутренних покоях неизвестно почему Фэн Мин, пребывая в замешательстве, кивнул. На самом деле Цю Син и Цю Юэ считались Цай Цяну близкими людьми, постоянно исполняющими роль второй мамы, и потому князь не знал, как им сказать, что они всё же отдают ребёнка госпоже Яое.

Цю Юэ колебалась, не зная, как лучше спросить, но вскоре девушка проявила решительность

и, смахнув слёзы с лица, прошептала:

— Князь Мин, не трудитесь. Мы уже знаем, что госпожа Яое забирает Цай Цяна. Хоть мы его и любим всем сердцем, но он, как-никак, внук господина Сяо и госпожи Яое. Да и потом разве мы сможем стать ему близкими людьми? Конечно же нет — родную кровь ничто не заменит. Тем более у него есть такие выдающиеся бабушка и дедушка, а когда он вырастет, то станет наследником мастера и в будущем больше никто его не обидит.

Фэн Мин был слегка ошеломлён.

Цю Син, держа на руках Цай Цяна, проговорила, задыхаясь от слёз:

— Ле-эр нам только что всё рассказал. Решения государя не могут быть ошибочными, поэтому нужно оставить Цай Цяна здесь с родными, лучше пусть идёт по стопам господина Сяо, который, конечно же, смотрит на него, как на драгоценность.

Цай Цян же, находясь на руках Цю Син, не знал, что произошло, однако смутно чувствовал, что час расставания близок. Улыбка его померкла, а ручки крепко схватились за воротничок девушки. Цай Цян перевёл взгляд и, прижавшись пухлой щёчкой к щеке Цю Син, посмотрел на князя такими же чёрными глазами, как и у Фэн Мина.

Несмотря на то, что Фэн Мин являлся отцом Цай Цяну — или его можно было считать таковым — он прекрасно понимал, что у него, несчастного князя из-за бесконечных неприятностей[1] совсем нет времени, чтобы просто посидеть с собственным ребёнком. Более того чувства отца и сына не были глубокими.

Но в этот момент, когда ребёнок послушно посмотрел на него, а от мысли, что скоро госпожа Яое разлучит их на восемь или даже на десять лет, Фэн Мин внезапно почувствовал на сердце глубокую печаль и, вытянув руки, тихо проговорил:

— Позволь мне его обнять.

— Не стоит этого делать. — внезапно раздалось над ушком. Неизвестно когда Жун Тянь успел всё обсудить с Хань Вэем и отправить того обратно к Сяо Цзуну и сейчас император Силэй стоял за его спиной, глубоким голосом говоря: — Будет ещё больнее, если ты его обнимешь.

Фэн Мин расстроено отдернул руки. Жун Тянь сзади обнял любимого феникса за плечи, проронив:

— Фэн Мин, я не хочу, чтобы ты огорчился.

Но князь, потупив взор, не проронил ни слова.

Едва успокоившись, Цю Юэ вновь начала плакать, умоляя:

— Раз уж госпожа Яое захотела отправиться вместе с Вашим Величеством и взять с собой Цай Цяна, то умоляем государя позволить нам последовать за Вами. По крайней мере мы позаботимся о Цай Цяне в дороге.

— Мы отправимся верхом, будем вести себя тихо и не помешаем походу, — шёпотом добавила Цю Син.

Фактически в этой ночной атаке должны были участвовать только самые лучшие солдаты, а вот служанки там были лишними. Тем более кони будут стремительно мчаться, а госпожа Яое, будучи далеко не простой женщиной, могла защитить Цай Цяна. С учётом этого, на самом деле, в служанках не было необходимости.

Глядя на жалобно рыдающих девушек, Ле-эр понимал, девушки привыкли к Цай Цяну и просто хотят побыть с ним как можно дольше, поэтому юноша не мог не вмешаться:

— Они отлично держатся в седле, прошу государя позволить им поехать с нами.

Князь также всем своим видом умолял Жун Тяня взять девушек с собой, и, взглянув на эту умоляющую мордашку, молодому мужчине ничего не оставалось, как сдаться на волю одного очень милого победителя.

— Хорошо, — недолго думая, кивнул император Силэй. — Они поедут, но ты, Фэн Мин, ты...

— Я здесь не останусь! — с необычайной решительностью отозвался князь. — Куда ты — туда и я!

Жун Тянь замолк на мгновение, лишь тёплые пальцы скользнули по нежной щеке князя, глядя, а сам император Силэй больше не проронил ни слова.

А тем временем солдаты уже разделились на три отряда. Ле-эр возглавлял первый отряд, состоящий из лучших воинов Жун Тяня, выполняя роль приманки и заманивая противника в ловушку.

Два других отряда — Юн И и Мэй Цзи — под командованием генералов, Жун Тяня и Фэн Мина должны были следовать за солдатами Силэй. Их задачей было защищать войско Силэй и открыть огонь по врагу, когда тот появится на их пути.

Ну и завершали это всё шествие лучше люди Сяо Цзуна, которые, как и сам Сяо Цзун с госпожой Яое, должны были отправиться в обход, следуя за войском императора Силэй и его подмогой. Также их задачей было воспользоваться моментом, когда два отряда войск нападут на врага, и, выждав решающего момента, заколоть Жо Яня вместе с его генералами. В этом

отряде оказались те, кто превосходно владел военным искусством, и мог, ловко скрываясь, торопливо мчаться вперёд.

Когда роли были распределены, весь лагерь хорошо обученных солдат уже готов был выдвинуться в путь. На этот раз Жо Яню не сбежать!

— Следуем приказу!

Надев военную форму, Жун Тянь, потянув за собой князя, тотчас же вышел во дворик, где собралось огромное войско солдат. Они сидели на траве скрестив ноги в ожидании ждали приказа. Увидев вышедшего Жун Тяня, солдаты воспряли духом и немедленно поднялись, сжимая в одной руке меч, а в другой — поводья стоявших рядом коней.

Все их движения были точны и последовательны, никакой лишней суматохи, ни охов, ни даже кашля не было слышно. Недаром они являлись достойными воинами Жун Тяня, который, к слову сказать, и сделал из них самых лучших бойцов.

Молодой мужчина обвёл взглядом солдат. Даже под покровом ночи взгляд императора Силэй практически был подобен молнии, что вспарывала тучи на сером небе, — такой же яростный и неукротимый. Жун Тянь приглушённо проговорил:

— Собирайтесь, надевайте доспехи и отправляемся в путь.

Каждое слово государя имело вес, словно бремя, и, проникая в ухо, западало в душу каждому солдату. Даже у стоявшего рядом Фэн Мина и то сердце вздрогнуло. Казалось, от этих нескольких слов тело наполнялось необычайной силой, а кровь превращалась в жидкий огонь. Впервые перед решающей битвой Фэн Мин чувствовал возбуждение, смешанное с волнением, прекрасно понимая, что если они убьют Жо Яня, то эта ночь войдёт в историю Силэй.

И вот, когда звёзды всё ещё сияли на небе, несколько отрядов наконец-то покинули лагерь.

Облачённый в доспехи Жун Тянь под покровом ночи подстрекал коня. Фэн Мин же, в доспехах и верхом на Байюне, следовал за государем.

Их ждала ужасающая и кровопролитная война, потому Жун Тянь изначально не хотел брать с собой Фэн Мина. Но к сожалению, только что избавившийся от уз «крови возлюбленных» и придерживаясь клятвы, данной в Дунфань — непрерывно следовать за любимым, — князь никак не шёл на компромисс. Князь крайне упрямо требовал взять его с собой, и даже Жун Тянь был вынужден отступить. Однако императору оставалось только неоднократно повторять, чтобы Фэн Мин находился рядом и в любом случае не делал всё, что взбрело бы в голову.

— Через два часа наступит рассвет.

— Угу, темнее всего перед рассветом.

Чем дальше они ехали, тем больше небо затягивалось облаками. Густые тучи закрывали собой лунный свет, погружая землю в непроглядную тьму. Стоило поднять взгляд и посмотреть на далёкие вершины гор, как они тотчас же превращались в жуткие тени.

Однако через короткое время они наконец-то достигли склона горы. Пробежавшись по карте взглядом, мужчины знали, что неподалёку должна пролегать дорога, ведущая от Юньинь в сторону Силэй.

Впереди можно было заметить маленький огонёк. В темноте он извивался, тихо пробираясь сквозь ночь. Стоило ли говорить, что этим источником света был первый отряд, возглавляемый Ле-эром? Люди императора Силэй играли роль приманки, поэтому зажгли факелы, делая вид, что ужасно торопятся и хотят пройти через границы Юньинь и Силэй.

Жун Тянь вместе с Фэн Мином представляли второй отряд, который выступал в роли подкрепления. Их задачей было следить и в нужный момент прийти на помощь. Единственное отличие было в том, что второе войско не зажигало факелов, пробираясь в темноте, они старались держаться как можно ближе к войску Силэй.

Заметив издалека, что Ле-эр вместе с войском въезжает на узкую дорогу, Жун Тянь и Фэн Мин тихо стиснули поводья.

Узкая дорога являлась самым подходящим местом для засады. И если предположения Жун Тяня верны, то именно там за скалами таилось множество солдат Жо Яня, а у императора Ли терпения не занимать.

Но было одно «но». Ле-эра и солдат так никто и не окружил. Кроме ночной тиши, в которой цокот копыт казался необычайно громким.

Жун Тянь вместе с Фэн Мином и остальным войском отправились следом, и, скрываясь в лесной чаще, император Силэй продолжил пристально следить за происходящим впереди, подобно хищной птице, парящей над морем, готовой в любой момент нырнуть и поймать добычу.

Что касается Фэн Мина, то ему было не по себе, так как обладал малым опытом в военном деле, не то что Жун Тянь, потому от замысла «тихого убийства», мысль о котором заполонила[2] всё, сердце князя бешено колотилось в груди, готовое вырваться наружу, руки, как и от подошв и до колен, охватывало холодом, словно парализуя. Сложно сказать от чего это было, то ли от возбуждения, то ли, наоборот, от волнения.

Возможно, от того, что Фэн Мин крепко стиснул поводья, Байюнь слегка качнул головой, опустив её, и неслышно стукнул передним копытом по траве, но всё же не заржал.

Жун Тянь, почувствовав неладное, оглянулся и, бросив взгляд мерцающих во тьме глаз на Фэн Мина, приглушённо сказал:

— Не бойся.

На что князь улынулся ему:

— Я не боюсь.

После чего мужчины вновь вернулись к слежке и продолжили наблюдать за войском Ле-эра.

Присмотревшись внимательнее, нельзя не признать, Жо Янь выбрал отличное место для засады.

Труднопроходимая дорога, над которой были отвесные скалы, даже днём солнечные лучи проникали туда с большим трудом, что тогда говорить о ночи, когда всё ущелье было погружено во тьму? Лишь яркий огонёк факелов, сияющий вдали и озаряющий путь войскам Силэй, выглядел слабым светом в бесконечной тьме, что была впереди и заставляла сердце трепетать от страха.

Приказ «вести себя тихо» здесь вообще был неуместен, так как солдаты и сами это прекрасно понимали и изо всех сил старались не шуметь, словно боялись одним неосторожным звуком разбудить злых духов, таящихся в глубине ущелья и ждущих вырваться на волю, убивая всех без разбору. И этот страх ощущали не только солдаты, но даже лошади. Животные, не издавая ржания, тихо шли вперёд, лишь изредка с тревогой пыхтели себе под ноги.

И только один человек вёл себя так, словно лев на охоте, а именно Жун Тянь. Его глаза, пристально наблюдавшие за отрядом, искрились ярким тёмным блеском, словно чем-то зажжённые.

А тем временем войско под командованием Ле-эра уже оказалось как раз на той самой узкой ведущей в ущелье дороге.

И тут из ниоткуда раздался птичий крик.

Звук, взорвавший ночную тишь, был настолько неожиданным, что все невольно вздрогнули от страха.

Фэн Мин поднял взгляд к небу, услышав шум крыльев, прервавший нависшую тишину. Птицы, тихо спавшие на ветвях деревьев, неожиданно взвились в воздух и, громко крича, разлетелись во все стороны.

— На скалах, — в темноте прошептал один из охранников.

И в этот же момент вершины скал озарились яркими огнями. Бесконечный свет от факелов полоснул по тьме так, будто солнце разделилось и неожиданно возшло сразу с двух сторон, освещая ущелье, отчего уже привыкшие к темноте силэйцы невольно прищурились.

Скалы оказались буквально залиты огнём. Свет падал на дорогу и освещал солдат, находящихся внизу, но из-за яркого пламени сами солдаты не могли разглядеть тех, кто держал в руках эти факелы. Также звук пламени добавился к цокоту копыт и тяжёлому дыханию солдат, что были особенно слышны в охваченной тишиной долине.

— Уничтожить!

Резкий крик донесся с вершины, проникая сквозь тишину и огромные ветви деревьев, что тянулись к небу, словно жуткие когти чудовищ. Хоть голос звучал очень далеко, однако сила его была невероятна, и самое удивительное, он казался до боли знакомым.

— Уничтожить!

Казалось, туго натянутая тетива лопнула, тихие скалы с двух сторон в миг задрожали, огонь ожил, и послышался тяжёлый топот копыт, напоминая дождевые облака, которые нависли над землёй, предвещая ливень.

И вот наконец послышался раскат грома!

Огненные облака, сорвавшись с вершин, стремительно скатились вниз, окружая солдат. В багровом отблеске факелов мелькнул блеск стали и, не дав опомниться, тени тотчас же набросились на отряд Ле-эра, который оказался буквально зажат в этом узком ущелье.

Увидев нападение и почувствовав, как кровь вскипает в жилах, ударяя в голову, князь одним махом вытащил меч и уже собирался натянуть поводья, чтобы ринуться в бой. Но Жун Тянь схватил его руку, державшую поводья, и, наклонившись, спросил:

— Что ты сделаешь?

— Нужно броситься напролом, Ле-эра уже окружили.

— Успокойся. Ещё не время, — молодой мужчина спокойно смотрел на дрожащее пламя впереди, а губы растянула кривая усмешка. — Пусть даже не мечтают покинуть это место, — и мгновенно, в зрачках словно молния блеснула[3], заставляя спрятать взор.

Даже Фэн Мин ошарашено поглядел на молодого мужчину, замечая, как император полон

решимости, как пальцы тихо сжимали рукоять меча, и как Жун Тянь молча ожидает, когда подадут сигнал.

Впереди, примерно в тридцать чжанах, завязался жестокий бой. Крики солдат заполнили всё ущелье, заглушая шум ветра и шелест листвы, лишь звуки боя доносились со всех сторон. Однако там, где сейчас находились Жун Тянь с князем, казалось так тихо и спокойно, что можно было услышать звон упавшей иголки.

Кроме скал, ущелье окружалось деревьями, ветви которых закрывали почти всю картину происходящего. И насколько бы близко ни находился Жун Тянь, ему всё равно не было видно, что именно происходило на дороге, лишь звуки боя, лязг стали, нескончаемое яростное рычание и истошные вопли доносились до императорских ушей.

Из-за колышущегося пламени деревья приобретали страшные очертания. Казалось, бесчисленные огромные чёрные тени сражаются не на жизнь, а на смерть.

Что же касается князя, то он всё время думал, что не нужно было делать из Ле-эра приманку, тем более у врага было огромное преимущество, и войска Силэй могли потерпеть поражение в заранее устроенной и продуманной засаде. Неизвестно куда придёт клинок и как жесток будет враг, ведь оружие в его руках слепо, а если не подоспеет подмога и случайно Ле-эр погибнет, как тогда поступить? Не находя себе места, Фэн Мин поглядел на Жун Тяня.

Который словно не замечал всей взволнованности князя и, будто не слыша звуков сражения, что раздавались впереди, оставался невозмутим.

Испытывая крайнее беспокойство, Фэн Мин не мог больше сдерживаться и, приблизившись к государю, хотел уже было высказаться, но, едва открыв рот, князь внезапно услышал резкий свист. Отведя взгляд от молодого мужчины, Фэн Мин посмотрел на дорогу. В конце узкой дороги виднелась ярко-зелёная вспышка, больше напоминающая сигнальный огонь, которая буквально пронзила тёмный шёлк ночи словно остриё меча, оставляя яркий узор, который долгое время не мог рассеяться.

— Учитель и его люди отрезали все пути к отступлению, — и, внезапно перестав хмурить брови, император Силэй приказал: — Обнажить мечи!

И в эту же секунду тишину нарушил нескончаемый звон металла, генералы словно только и ждали этого приказа. Обнажив мечи, они уже готовы были ринуться в бой.

Внезапно почувствовав тепло на талии, Фэн Мин тотчас же догадался, что это рука Жун Тяня. Повернувшись к императору Силэй, князь улыбнулся и ловко вытащил меч из-за пояса.

Шум, крики и лязг мечей становились всё громче. И казалось, этому не будет конца.

Запах крови настолько пропитал собой всё пространство, что даже Фэн Мин мог его учуять, находясь на довольно приличном расстоянии.

Жун Тянь же с нескрываемым презрением смотрел на свет, который превратился в одну кровавую тень.

Затем молодой мужчина медленно поднял меч и, ненадолго заведя над головой, спокойно, словно с холодным безразличием, приглушённо «выплюнул» короткое:

— Уничтожить!

И вслед за словами Его Величества раздался гул, который потряс небо и всколыхнул землю.

— Уничтожить! А-а-а!

— Уничтожить!

Приказ императора был отдан, после чего раздался оглушительный звук, надвигающегося боя.

Этот звук не исходил от одного места. В ущелье, с двух сторон отвесных скал, в конце ущелья — призывы к убийству звучали отовсюду, превращаясь в один сплошной рёв и пугая врага настолько, что сердце трепетало в груди. Более того, самих солдат пришло так много, что, казалось, они сыпались прямо с неба, окружая противника со всех сторон.

В итоге узкая дорога стала ловушкой, из которой враг не мог сбежать[4]. Ни один вражеский солдат.

Мелькнула сталь — и в её тусклом свете враг, сорвавшийся со скал и окруживший войско Силэй, огляделся по сторонам, обнаружив, что вражеская сила перекрыла дороги с помощью обходного пути.

— Попались!

— Генерал, мы попали в засаду!

Бесконечные крики и предсмертный вой охватили пространство.

— Засада! Засада!

Острое лезвие пронзало тонкую кожу, брызги крови поднимались в воздух, словно хотели окропить собой ночное небо.

Жун Тянь рванул с места, направляя войско в сторону ущелья.

Что же касается Фэн Мина, то все его мысли были заняты Ле-эром. Князь переживал за своего верного телохранителя и боялся, что с ним могло что-то случиться во время нападения. И охваченный беспокойством, князь стегнул коня, срываясь вперёд и обгоняя Жун Тяня.

Ещё половина чжана, и Фэн Мин оказался бы в ущелье, где сейчас разворачивалась схватка. Но неожиданно чья-то сильная рука схватила его, как котёнка, за воротник и оттащила назад.

Князь никак не сопротивлялся, так как не был готов к такому, расслабленное тело резко подняли вверх, вытаскивая из седла, и в одно мгновение словно вознёсшись на облаках[5], он оказался в седле императорского телохранителя Мянъ Я.

Будучи личным охранником Жун Тяня, Мянъ Я обладал отличной реакцией и, зная, насколько важен князь Мин, телохранитель, убрав меч, вытянул руки и крепко обхватил Фэн Мина, не давая тому вывалиться из седла.

Жун Тянь же громко сказал со смехом:

— Руки, окрашенные кровью, дурно пахнут, такую трудную работу лучше выполнит этот император. Фэн Мин, послушно подожди пока я схвачу Жо Яня и тогда позволю тебе выпустить гнев! — И, больше не оборачиваясь, мужчина с силой стегнул плетью коня, превосходный рысак громко заржал и, словно обезумев, рванул в самое пекло безжалостной войны.

С таким воодушевлённым императором разве кто-то мог на шелковинку затрусить? Солдаты лишь почувствовали, как горячая кровь заклокотала, приливая к голове, и от соблазнительного сражения, что предстал перед глазами, обезумели и поспешили за Жун Тянем, хватая мечи и копья. Оказавшись на месте, где шла жестокая схватка, солдаты через мгновение уже покрылись с ног до головы вражеской кровью.

Только дюжина охранников вместе с Мянъ Я находились вне поля боя, исполняя приказ охранять князя Мина, и, остановившись неподалёку, они просто смотрели со стороны на то кровавое месиво, что разворачивалось у них на глазах.

— Жун Тянь! Ты подлец! — Подвергшись тому, что Жун Тянь выкинул его с поля битвы, не дав только что скопившейся горячей крови даже шанса поучаствовать в бою, князь разразился ругательствами и, обернувшись, приказал: — Пусти меня! Живо отпусти меня!

В схватке клинки слепы, поэтому разве мог Жун Тянь позволить князю так рисковать жизнью?

Взять князя Мина с собой — это одно, а вот отправить его на верную смерть — это уже совсем другое.

Мянь Я, прекрасно это понимая, разве посмел бы отпустить Фэн Мина? Встретившись с сопротивлением, у императорского телохранителя не было выбора, как крепче прижать князя и крайне невинно проговорить:

— Князю Мину не стоит усложнять работу этому слуге, ведь таков приказ государя.

Но слова охранника лишь разозлили Фэн Мина, заставляя ещё сильнее вырываться:

— Что значит «приказ государя»? Я — князь Мин, и тоже могу приказывать, а ну, живо отпусти меня!

Некоторое время Фэн Мин следовал за Жун Тянем, изучая боевые искусства. Благодаря Лу Даню, который спас его тогда от смертельной болезни, тело князя сильно изменилось и стало намного выносливее. А в сочетании с титулом Благородного, он мог использовать полученные навыки. Даже такой бравый генерал, как Мянь Я, чувствовал, что нелегко совладать с ним. Сопrotивляясь из последних сил, князю удалось высвободить руку и, отчаянно ударив телохранителя в грудь, безжалостно оттолкнул от себя.

Вырвавшись из цепких рук охранника, Фэн Мин напрочь забыл, что находится на лошади. Мянь Я на самом деле держал князя, чтобы последний не вывалился из седла, но теперь, когда он оттолкнул охранника, Фэн Мин потерял какую-либо опору и, покачнувшись в седле, глухо охнул, шлёпнувшись прямо лицом вниз.

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «Ветер и волны» обр. в знач.: события происшествия; перипетии; конфликт; разлад, осложнение; неприятность.

[2] В оригинале фраза звучит как «Заполнять горы и заполнять долины» обр. в знач.: заполнить собой всё; быть повсюду во множестве;

[3] В оригинале фраза звучит как «молния блеснула, камень вспыхнул» обр. в знач.: моментально, в мгновение ока, в один миг, молниеносно

[4] В оригинале фраза звучит как «И на крыльях не улететь» обр. в знач.: некуда деться, не убежать, не сбежать

[5] Полная фраза звучит как «Возноситься на облаках и ехать на туманах» обр. в знач.: Возноситься в заоблачные выси;

<http://bllate.org/book/13377/1190180>